

УДК 94(47)"19"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/9

# **РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА (вторая половина XIX в.)\***

**В.Н. Кудряшев**

Федеральное государственное автономное образовательное  
учреждение высшего образования «Национальный  
исследовательский Томский государственный университет»

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: kvn18011962@yandex.ru

SPIN-код: 1505-0239

## **Авторское резюме**

В русском национальном дискурсе выделяются два принципиально различавшихся подхода. Первый реализовывался в рамках консервативного и либерального направлений общественно-политической мысли и основывался на признании недопустимости дезинтеграции Российского государства и предоставления политической автономии национальным регионам, а также идее русской нации как важнейшего инструмента реализации социально-политических проектов. Альтернативный подход реализовывался революционными социалистами и основывался на убеждении в социальной детерминированности национальных процессов, следовательно, на отрицании роли национального фактора в перспективной социально-политической практике. Поэтому включенность данного течения в общерусский национальный дискурс обуславливалась лишь интересом к национальным движениям как возможным союзникам в борьбе с царским правительством.

Важнейшим маркером разновидностей русского национализма являлся формат отношений нации и государства. Этноцентристы (славянофилы) видели в русском этносе доминирующую силу, при определенных условиях способную сформировать русское национальное государство и ассимилировать другие этнические группы. Имперцы (либеральные и консервативные) предполагали, что мощное централизованное государство создаст единую русскую нацию как политическое единство при сохранении полиэтничности. При этом в рамках либерального национализма было безусловным признание необходимости скорейшей реализации правового равенства представителей всех народностей России. Представители консервативного

имперского национализма допускали сохранение неравенства на неопределенную перспективу, ставя условием его ликвидации лояльность народностей к империи.

Русские национальные проекты сталкивались с конкуренцией проектов других национальных элит, что вызывало корректировку этих проектов. Славянофилы отказываются от принципа невмешательства государства в сферу межнациональных отношений, требуя от него поддержки своих проектов, одновременно стараясь найти опору в идее общеславянского единства. Имперцы-консерваторы разделялись на два направления. Одно из них требовало полного отказа от учета национального фактора в государственном строительстве. Второе выступало за усиление роли русского народа, демонстрируя определенное сближение с этнонационализмом.

**Ключевые слова:** нация, национализм, национальный дискурс, славянофильство, консерватизм, либерализм, социализм.

## Russian social thought in the search for national identity: the birth of Russian nationalism (the second half of the XIX century)

V.N. Kudriashev

Federal state autonomic educational institution of high education  
"National research Tomsk state university"  
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia  
E-mail: kvn18011962@yandex.ru

### Abstract

In the Russian national discourse are two fundamentally different approaches. First implemented in the framework of conservative and liberal areas of social and political thought and based on the recognition of non-disintegration of the Russian state and the provision of political autonomy to national regions, as well as the idea of the Russian nation as the most important instrument for the implementation of social and political projects. An alternative approach was implemented revolutionary socialists and was based on the belief in the social determinism of national processes and, consequently, on the denial of the role of the national factor in the perspective of social and political practice. Therefore, the inclusion of the flow in an all-Russian national discourse only determines the interest in national movements as possible allies in the struggle against the tsarist government.

The most important marker species of Russian nationalism was the format of relations between nation and state. Etnotsentrism (Slavophiles) seen in the Russian ethnic group dominant force, under certain conditions, the ability to form a Russian national state and assimilate other ethnic groups. The Imperials (liberal and conservative) suggested that a powerful centralized state will establish a single Russian nation as a political

entity, while maintaining polyethnicity. In the framework of liberal nationalism was unconditional recognition of the need for early implementation of the legal equality of the representatives of all the peoples of Russia. Representatives of the conservative imperial nationalism allowed the persistence of inequalities in the indefinite future, and conditioning of its liquidation loyalty to the nations of the empire.

Russian national projects face competition of other projects of national elites: a pan-nationalist doctrines (Polish, German, Swedish), and emerging nationalism in the ethnic regions of the Russian Empire, which led to an adjustment. Gradually, the representatives of the various currents of political thought of maturing belief in the inefficiency of Russian nationalism and national policy in light of changes in the domestic and foreign situation. Slavophiles abandon the principle of non-interference of the state in the sphere of international relations, requiring him to support their projects, while trying to find support in the idea of a common Slavic unity. Imperials-conservatives are divided into two areas. One of them demanded a complete renunciation of national accounting factor in nation building. The second in favor of strengthening the role of the Russian people, demonstrating a certain convergence with ethno-nationalism.

**Keywords:** nation, nationalism, national discourse, slavophilism, conservatism, liberalism, socialism.

Национальный дискурс, по признанию большинства исследователей в европейской и, с некоторым отставанием, в российской интеллектуальной традиции, формировавшийся под воздействием бурных национальных процессов в Европе конца XVIII – начала XIX в., изначально сосредоточился на определении принципов взаимодействия нации и государства. В нем отчетливо определились два направления в теоретико-методологических подходах к важнейшим понятиям, в том числе к понятию «нация», ставшему основой данного дискурса. Оно рассматривалось как:

1) отношение, известное под названием гражданства, в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии;

2) отношение, известное как этничность, в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общий язык, история или культурная идентичность в более широком понимании (Вердери 2002: 298; Хобсбаум 1998: 33-43).

В целом сосуществование данных идентичностей отражает наличие двух наиболее значимых форм социальной группировки людей – этнической и государственной. Между ними существуют сложные взаимосвязи, пересечения, а иногда и взаимо-исключения, и каждая из этих идентичностей – многомерное явление. Рассмотренный подход требует исследования взаимодействия и, возможно, конфликтов этносов и государства, особенно усложняющегося в

условиях полиэтнических государств. Он весьма актуален при исследовании национальных проблем России XIX в. в силу популярности в русской общественной мысли идеи: одна русская нация – много народностей. Таким образом, русский национальный дискурс приобретает многомерный характер. В его рамках следует различать определение в русской мысли маркеров этнической идентичности русских и национальной (политической) идентичности русских как комплекса отношений с государством и другими народностями в рамках единого государства.

В исследованиях 1950–1980-х гг. (советских и зарубежных) русский национализм характеризовался как государственный или бюрократический, поскольку именно государство выступало его источником, оно определяло цели и задачи, которые объявлялись национальными. Во внутренней политике русский национализм ратовал за превращение русских в господствующую нацию, а Российской империи – в русское национальное государство, для чего проводилась русификаторская политика как насильственная ассимиляция всех нерусских народов (Kohn 1955: 73; Thaden: 198–203; Твардовская 1978; 30–31).

Исследовательская парадигма русского национализма меняется на рубеже 1980–1990 гг. Русский национализм приобретает ценностно-нейтральное значение, поскольку утрачивает имманентную связь с понятиями «реакционность», «ксенофобия», «шовинизм». Справедливо отмечается, что традиционное «привязывание» русского национализма к консервативному течению неверно (Попов, Кисиль 2002), указывается на несовпадение русского национализма и государственной национальной политики (Реннер 2005: 446 – 451). Рассматривая историю межнациональных взаимоотношений в России, историки исходят из наличия нескольких конкурировавших национальных проектов. Русский был только одним из них и имел ограниченное воздействие на государственную политику (Миллер 2003: 68).

Данный подход дает возможность рассматривать историю национализма в России через призму развития различных направлений общественной мысли. Ученые настаивают на гетерогенном характере самого русского национализма, включенности в выработку и реализацию «русского национального проекта» различных общественно-политических сил (Миллер 2008: 65).

Действительно, национализм нельзя представить как универсальное явление. Очевидно, следовало ожидать различий в целях, идеологическом наполнении, мифологии национализма нации, борющейся за независимость, и соответствующих характеристик на-

ционализма нации, хотя бы номинально считавшейся этнической основой государства. Русский национализм в рамках многонациональной Российской империи XIX в. был обречен на многовекторность. Он не мог быть единственной консолидировавшей идеей, за исключением ситуации усиления внешней угрозы. В остальное время он отступал на второй план перед социальными задачами и становился инструментом воздействия на русский народ различных политических сил.

Цель данной работы – определить влияние представления о русской нации на содержание концепций и проектов решения национальных проблем Российской империи, перспективы ее национально-государственного устройства, предлагавшиеся сторонниками различных направлений русской общественной мысли, установить возможность определения целостности общерусского национального дискурса либо его фрагментации на автономные дискурсы в рамках направлений общественно-политической мысли.

**Трансформация идеи русского национализма в славянофильской доктрине.** Славянофильство апеллировало к нации как субъекту исторической деятельности. Славянофилы, провозгласив идею русского национального государства, определили русский народ главной движущей силой данного процесса. Россия должна была стать русским государством, что в славянофильском варианте предполагало проведение ассимиляции остальных народов, входивших в его состав (Аксаков 1886 а: 44).

Славянофилы видели в обрусении проявление национальных сил русского народа. Для реализации этого потенциала народ необходимо было освободить из-под опеки государства, провести социально-экономические реформы, развить самоуправление. Только когда русский народ станет действительным лидером в культуре, нравственности, духовности, возможно будет естественное обрусение как длительный эволюционный процесс добровольной ассимиляции, т. е. приобщения инородцев к русской культуре и духовности. Это не означало полного отказа от опоры на государственную власть, но успех «русского дела» должен прийти, только когда сам русский народ станет самостоятельным субъектом развития.

Этническими маркерами славянофилы определяли язык, систему духовных ценностей и религию. Они полагали православное вероисповедание главным идентификатором для определения принадлежности к русской народности (Аксаков 1981: 205; Киреевский 1984: 224). Но данный маркер переставал действовать в рамках «большой русской нации», являвшейся стержнем национальной доктрины славянофилов и включавшей малорусов, белорусов и вели-

корусов. Это потребовало «обрусения», т. е. проведения ассимиляции внутри русской народности для восстановления ее духовного единства на основе православия и языкового единства, на основе великорусского языка.

Обретение единства русской народности стало для славянофилов главной задачей и первым этапом строительства национально-го государства. При этом они не предполагали возможность сопротивления обрусению со стороны малорусов и белорусов, сосредоточившись на противостоянии с полонизмом. Украинцы и белорусы не рассматривались как этносы, имевшие перспективы развития, слияние их с великорусами виделось естественным и безболезненным.

Поэтому появление у сформировавшейся в 1870-е гг. малорусской интеллигенции собственного национального проекта воспринималось славянофилами как результат происков внешних враждебных сил, не опиравшихся на народ. Тем не менее сами славянофилы осознавали нерешенность поставленных задач, видя причиной не сопротивление извне, а недостаточность собственного потенциала (Аксаков 1886 б: 600). Еще менее успешной виделась славянофилам реализация задачи обрусения инородческого населения Прибалтики и Финляндии.

В этих условиях произошло перенесение центра внимания с внутриимперских проектов на идею формирования всеславянского политического объединения и единой славянской нации. Славянофильская доктрина претерпела серьезные изменения. Идея становления русской нации была заменена целью формирования нации славянской. В какой-то степени можно говорить о расширении идеи «большой русской нации», поскольку принципы ее реализации сохранились. При провозглашении уважения национальной, языковой религиозной самобытности славянских народов упорно проводилась мысль о постепенном, но неуклонном сближении славян на основе православия и общеславянского – русского языка. Более настойчиво, чем ранее, подчеркивалась необходимость политического объединения перед лицом внешних вызовов (Киреев 1912: 149).

Можно говорить и о пересмотре одного из базовых положений славянофилов в трактовке механизма национальных процессов. Разочарование в итогах ассимиляции заставило многих из них настаивать на более активном участии государственной власти в обрусении окраин, что в определенной степени можно рассматривать как отказ от идеи приоритета народности в национальном строительстве.

**Имперская тенденция в консервативном направлении общественно-политической мысли России.** Альтернативным вариантом

стало обращение к государству как главному субъекту реализации национального проекта. Данный подход попытались использовать сторонники консервативного и либерального течений российской общественной мысли.

Среди консерваторов одним из первых предложил свой проект реализации идеи русского национального государства при сохранении полиэтничности империи М.Н. Катков. Для этого следовало отказаться от этнического содержания нации. Русской нацией объявлялось все многонациональное население империи. Этническая и религиозная идентичность объявлялась неприкосновенной и гарантировалась государством. Все национальности, и русская в том числе, становились только объектами государственной политики, направленной на сохранение единства. Ни одна из них не могла претендовать на статус нации, поскольку это приравнялось к сепаратизму. Русский язык становился государственным, так же как и православие оставалось единственной религией, поддерживаемой государством (Катков 1864: 1 мая).

М.Н. Катков не обговаривал каких-либо преимуществ и привилегий для русских. Собственно понятие «русский» становилось внеэтническим. Но это порождало неопределенность с определением русской этнической идентичности. Русские растворялись как национальность в населении империи, поскольку их язык, вера, культура становились государственными, т. е. принадлежали империи, а не народу (Катков 1865: 10 июля). Это вызывало тревогу у части консервативных мыслителей, увидевших в отсутствии национальной основы государственной политики причину провала русификаторской политики на национальных окраинах. Рост националистических настроений среди российской элиты потребовал внесения корректив в идею национальной империи в 1880–1890-е гг. Л.А. Тихомиров (Тихомиров 1997: 400) предложил более четко определить первенство русской национальности, подчеркивая принципиальную невозможность достижения равенства других национальностей. Но при этом не оговаривалось, в чем, собственно, должно было заключаться преимущество этнических русских.

В.П. Мещерский (Мещерский 1883: 25 сент.) и К.Н. Леонтьев (Леонтьев 2010: 922), наоборот, фактически дезавуировали национальный характер русского государства, определив главной ценностью саму империю, а не русский народ. В их представлении национализм был неотделим от либерализма, и они готовы были в определенной степени поступиться национальным характером империи ради ее сохранения. Впрочем, согласие рассматривать в качестве союзников в противоборстве с атеизмом иные религии и определе-

ние социальной опорой дворянства вне зависимости от национальной принадлежности не исключало цели борьбы за возврат русских к духовным истокам.

Таким образом, в рамках консервативного имперского течения определились два направления, все более расхоdivшихся в оценке роли национального фактора в борьбе за сохранение империи. Одно считало необходимым исключить национализм из политической жизни, определив приоритетность принципа подданства и лояльности империи при индифферентности к этнической составляющей. Другое направление, напротив, видело в использовании русского национализма главный резерв противостояния процессам дезинтеграции. При этом заметно сближение последнего с поздним славянофильством, разочаровавшимся в возможностях «народного обрусения» и уступившим функцию главного регулятора национальных процессов государству. Здесь становилось очевидным стремление русского консервативного национализма к консолидации в противостоянии с набиравшими силу национальными движениями внутри России.

#### **Национальный аспект российского либерального дискурса.**

Русские либералы в целом были согласны с европейскими либеральными принципами рассмотрения национального вопроса. Но, признавая права наций на существование и самобытное развитие, представители либерального течения российской общественной мысли не считали имманентно присущим любой из них права на создание собственного государства (Чичерин 1896: 70).

Русские либералы (как и европейские) признавали условием формирования национального государства готовность нации к консолидации для ответов на внешние и внутренние вызовы, способность к определенному самоограничению для достижения общей цели. Таковые качества демонстрировали отнюдь не все народы. В реалиях второй половины XIX в. русские либералы не видели предпосылок для создания национального государства на основе какого-либо народа, входившего в состав Российской империи. Таким образом, они выступали за сохранение ее как унитарного государства.

Русские либералы выступали против национальной и конфессиональной дискриминации, декларировали необходимость реализации в качестве важнейшего принципа национально-государственного устройства России равенства граждан вне зависимости от национальной принадлежности.

Они указывали на взаимосвязь государства и нации. Нация, создавая государство, выходит на качественно новый уровень разви-



тия и получает в его лице внешнюю защиту. В свою очередь только государство, имеющее этническую опору, долговечно и прочно. Поэтому оптимальным сочетанием двух начал являлось национальное государство. Но, экстраполируя данный вывод на Российскую империю, либералы, позитивно оценивавшие процесс формирования национальных государств в Европе, отказывались даже гипотетически представить возможность дезинтеграции России на отдельные национальные государства. Констатируя восприятие русской нации как политического полиэтнического сообщества, они не отказывались от русской национальной окраски государства. Был выдвинут тезис не только возможности формирования нацией государства, но и формирования нации в рамках государственного единства, подобно процессам, происходившим во многих европейских странах (например Франции, которая вначале достигла государственного единства и существенно позже сформировалась как единая нация) (Гессен 1898: 59). Речь шла не только о достижении гражданского и политического правового универсализма, но и постепенной ассимиляции. Она не должна была носить одностороннего и насильственного характера, не исключала взаимовлияния и синтеза культур. Но, учитывая соотношение потенциалов, доминирование русского этнического элемента было неизбежным и естественным (Градовский 1901: 22). В итоге данное направление можно характеризовать как имперско-либеральный русский национализм.

**Революционные социалисты о роли национального фактора в процессе социальных трансформаций.** Абсолютно контрастировали с остальными направлениями программы революционных социалистов. Важнейшим принципом их подхода к национальным проблемам было восприятие нации как одной из разновидностей социальной солидарности, которая утрачивала свою значимость с развитием рыночной экономики и ее глобализацией. Поэтому национальные проблемы виделись производными от социально-классовых и должны были решаться в ходе социальных революций, способных ликвидировать социальное, а с ним и национальное угнетение (Лавров 1934: 99). Вместе с тем социалисты поддерживали борьбу народов за свое освобождение, сопровождая поддержку условием обязательного выдвижения социальных целей. Они готовы были учитывать национальный фактор только для использования национально-освободительной борьбы в качестве временного союзника для свержения действующей власти. В то же время только революционные социалисты готовы были (в некоторых программах) к предоставлению национальностям права на политическую автономию и даже суверенитет. В рамках революционного социализма

разрабатывались программы, предполагавшие федеративные отношения между нациями как в рамках государственной организации, так и в условиях ликвидации ее как формы организации общества (Революционное 1965: 156).

Таким образом, в русском национальном дискурсе можно выделить автономные направления, имевшие свой понятийный аппарат, отличные критерии и главное – альтернативное видение перспектив национально-государственного устройства и межнациональных отношений. При всех различиях отношений к феномену нации все указанные течения активно использовали идею нации для реализации своих доктрин. Поэтому можно выделить славянофильский этноцентристский, имперский консервативный и имперский либеральный национализм. Отдельное место занимали революционно-социалистические проекты, в которых отсутствовали черты национализма.

Важнейшим маркером разновидностей русского национализма являлся формат отношений нации и государства. Этноцентристы видели в русском этносе доминирующую силу, при определенных условиях способную сформировать русское национальное государство и ассимилировать другие этнические группы. Имперцы (либеральные и консервативные) предполагали, что мощное централизованное государство создаст единую русскую нацию как политическое единство, при сохранении полиэтничности. При этом в рамках либерального национализма было безусловным признание необходимости скорейшей реализации правового равенства представителей всех народностей России. Представители консервативного имперского национализма допускали сохранение неравенства на неопределенную перспективу, ставя условием его ликвидации лояльность народностей к империи.

\*Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

## ЛИТЕРАТУРА

Аксаков 1886a – Аксаков И.С. Передовая статья газеты «День» 13 ноября 1865 г. // Собр. соч.: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 1. С. 44–50.

Аксаков 1886b – Аксаков И.С. Об украинофильской агитации львовской газеты «Дело» // Соч.: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 596–610.

Аксаков 1981 – Аксаков К.С. Еще раз о русском воззрении // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 198–205.

- Вердери 2002 – *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 297–307.
- Гессен 1898 – *Гессен В.М.* Народ и нация // *Образование*. 1898. № 4. С. 59–72.
- Катков 1864 – *Катков М.Н.* Речь генерал-суперинтендента д-ра Вальтера перед открытием Лифляндского сейма и применимость его наставлений и к России // *Московские Ведомости*. 1864. 1 мая.
- Катков 1865 – *Катков М.Н.* Права и положение русского языка в Прибалтийском крае // *Московские Ведомости*. 1865. 10 июля.
- Киреев 1912 – *Киреев А.А.* Наши противники и наши союзники // *Сочинения*. М.: Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 144–158.
- Киреевский 1984 – *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // *Избранные статьи*. М.: Современник, 1984. С. 199–237.
- Лавров 1934 – *Лавров П.Л.* Социализм и борьба за существование // *Избранные сочинения на социально-политические темы*. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Т. 4. С. 99–110.
- Леонтьев 2010 – *Леонтьев К.Н.* Культурный идеал и племенная политика // *Славянофильство и грядущие судьбы России*. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 913–969.
- Мещерский 1883 – *Мещерский В.П.* Мой ответ одному русскому в остзейском крае // *Гражданин*. 1883. 25 сентября. С. 2–5.
- Миллер 2003 – *Миллер А.И.* Методологические проблемы изучения процессов формирования наций у восточных славян в позднеимперский период // *Белоруссия и Украина: история и культура*. М.: Наука, 2003. С. 67–71.
- Миллер 2008 – *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
- Попов, Кисиль 2002 – *Попов Э.А., Кисиль А.С.* Русский национализм и российский консерватизм: дореволюционный опыт взаимоотношений // *Южнороссийское научное обозрение*. Ростов н/Д., 2002. Вып. 9. С. 116–130.
- Революционное 1965 – *Программа Донского общества «Земля и воля» (1882 г.)* // *Революционное народничество 70-х гг. XIX века*. М.: Наука, 1965. Т. 2. С. 156–158.
- Реннер 2005 – *Реннер А.* Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // *Российская империя в зарубежной историографии*. М.: Новое издательство, 2005. С. 436–472.
- Твардовская 1978 – *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. 279 с.
- Тихомиров 1997 – *Тихомиров Л.А.* К вопросу о терпимости // *Критика демократии*. М.: Москва, 1997. С. 396–407.
- Хобсбаум 1998 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
- Чичерин 1896 – *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. М.: Тип. Кушнерев и Ко, 1896. Т. 2. 437 с.
- Kohn 1955 – *Kohn H.* Nationalism: Its Meaning and History. Princeton: D. Van Nostrand, 1955. 192 p.

Thaden 1954 – *Thaden E.C.* Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964. 271 p.

## References

Aksakov 1886a – *Aksakov I.S.* Peredovaya stat'ya gazety "Den" 13 noyabrya 1865 g. [An editorial of the newspaper "The Day" November 13, 1865], Works in 7 vol., Moscow, tip. M.G. Volchaninova, 1886, t. 1, pp. 44 – 50 [in Russian].

Aksakov 1886b – *Aksakov I.S.* Ob ukrainofil'skoy agitatsii l'vovskoy gazety "Delo" [On Ukrainophile agitation Lviv newspaper "Delo"], Works in 7 vol., Moscow, tip. M.G. Volchaninova, 1886, t. 3, pp. 596–610 [in Russian].

Aksakov 1981 – *Aksakov K.S.* Eshche raz o russkom vozzrenii [Once again on the Russian views], *Aksakov K. S., Aksakov I. S.* Literaturnaya kritika, Moscow, Sovremennik, 1981, pp. 198–205 [in Russian].

Verderi 2002 – *Verderi K.* Kuda idut "natsiya" i "natsionalizm"? [Where does the "nation" and "nationalism"], *Natsii i natsionalizm*, Moscow, Praksis, 2002, pp. 297 – 307 [in Russian].

Gessen 1898 – *Gessen V.M.* Narod i natsiya [People and nation], *Obrazovanie*, 1898, Nr 4, pp. 59 – 72 [in Russian].

Katkov 1864 – *Katkov M.N.* Rech' general – superintendenta d-ra Val'tera pered otkrytiem Lifylandskogo seyma i primenimost' ego nastavlennykh v Rossii [Speech - General Superintendent Dr. Walter before opening Livonian Sejm and the applicability of his teachings to Russia], *Moskovskie Vedomosti*, 1864, 1 May [in Russian].

Katkov 1865 – *Katkov M.N.* Prava i polozhenie russkogo yazyka v Pribaltiyskom krae [Rights and status of the Russian language in the Baltic region], *Moskovskie Vedomosti*, 1865, 10 July [in Russian].

Kireev 1912 – *Kireev A.A.* Nashi protivniki i nashi soyuzniki [Our enemies and our allies], Works, Moscow, Izdanie A.S. Suvorina, 1912, ch. 2, pp. 144–158 [in Russian].

Kireevskiy 1984 – *Kireevskiy I.V.* O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii [The nature of education in Europe and its relation to the Russian education], *Featured Articles*, Moscow, Sovremennik, 1984, pp. 199–237 [in Russian].

Lavrov 1934 – *Lavrov P.L.* Sotsializm i bor'ba za sushchestvovanie [Socialism and the struggle for existence], *Selected works on social and political issues*, Moscow, All-Union Society of political prisoners and exiles settlers, 1934, t. 4, pp. 99–110 [in Russian].

Leont'ev 2010 – *Leont'ev K.N.* Kul'turnyy ideal i plemennaya politika [Cultural ideal and tribal politics], *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii*, Moscow, Institute of Russian civilization, 2010, pp. 913–969 [in Russian].

Meshcherskiy 1883 – *Meshcherskiy V.P.* Moy otvet odnomu russkomu v ostzyskom krae [My answer to one Russian in the Baltic region], *Grazhdanin*, 1883, 25 September, pp. 2–5 [in Russian].

Miller 2003 – *Miller A.I.* Metodologicheskie problemy izucheniya protsessov formirovaniya natsiy u vostochnykh slavyan v pozdneimperskiy period [Methodological problems in the study of the formation of nations in the eastern Slavs in the late imperial period], Belorussiya i Ukraina: istoriya i kul'tura, Moscow, Nauka, 2003, pp. 67–71 [in Russian].

Miller 2008 – *Miller A.I.* Imperiya Romanovykh i natsionalizm [The Romanov empire and nationalism], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 248 p.[in Russian].

Popov Kisil' 2002 – *Popov E.A., Kisil' A.S.* Russkiy natsionalizm i rossiyskiy konservatizm: dorevolutsionnyy opyt vzaimootnosheniy [Russian nationalism and Russian conservatism: the pre-revolutionary experience of relations], Yuzhnorossiyskoe nauchnoe obozrenie, Rostov-on-Don, 2002, issue 9, pp. 116–130 [in Russian].

Revolutsionnoe 1965 – Programma Donskogo obshchestva “Zemlya i volya” (1882 ) [Program Don society “Land and Freedom” (1882 )], Revolutsionnoe narodnichestvo 70-kh gg. XIX v. Moscow, Nauka, 1965. t. 2. pp. 156–158 [in Russian].

Renner 2005 – *Renner A.* Izobretayushchee vospominanie: Russkiy etnos v rossiyskoy natsional'noy pamyati [Invents a memory: Russian ethnicity in the Russian national memory], Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2005, pp. 436– 472 [in Russian].

Tvardovskaya 1978 – *Tvardovskaya V.A.* Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya (M.N. Katkov i ego izdaniya) [The ideology of the post-reform autocracy (M.N. Katkov and his publications)], Moscow, Nauka, 1978, 279 p. [in Russian].

Tikhomirov 1997 – *Tikhomirov L.A.* K voprosu o terpimosti [On the question of tolerance], Kritika demokratii, Moscow, 1997, pp. 396–407 [in Russian].

Khobsbaum 1998 – *Khobsbaum E.* Natsii i natsionalizm posle 1780 g. [Nations and Nationalism since 1780], St. Petersburg, Aleteyya, 1998, 306 p. [in Russian].

Chicherin 1896 – *Chicherin B.N.* Kurs gosudarstvennoy nauki [The course of the state of science], Moscow, tip. Kushnerev i K, 1896, t. 2, 437 p. [in Russian].

Kohn 1955 – *Kohn H.* Nationalism: Its Meaning and History. Princeton: D. Van Nostrand, 1955, 192 p. [in English].

Thaden 1964 – *Thaden E.C.* Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964, 271 p. [in English].

**Кудряшев Вячеслав Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета.

**Kudryashev Vyacheslav** – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Documentation of National Research Tomsk State University.

**E-mail:** kvn18011962@yandex.ru